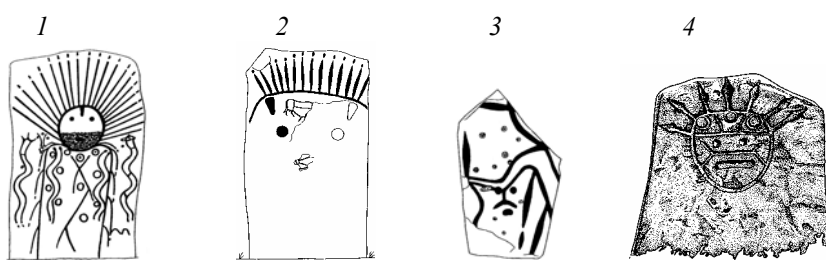

Fig. 1. Stela from Shira: 1 - after H.Appelgren-Kivalo;
2 - after N.V.Leont'ev and V.F.Kapel'ko; 3 - new copy.

3

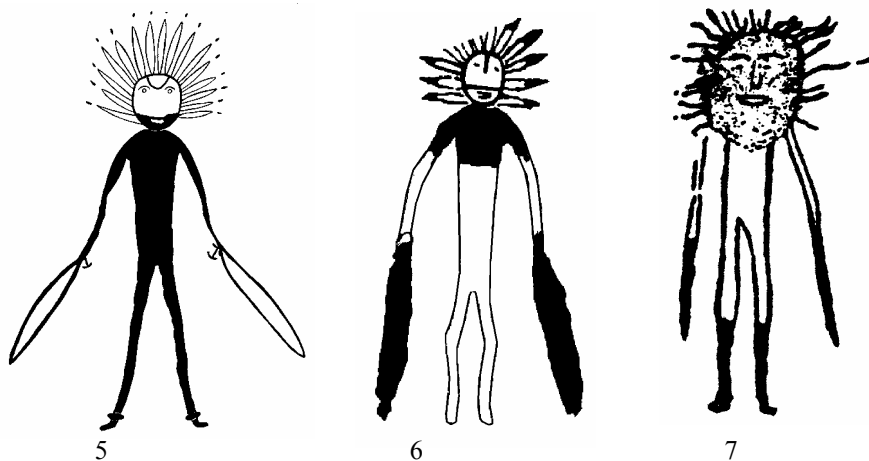

Fig. 2. Anthropomorphic images with beams on a head:
1-4 - Minusinsk Basin (1 - Onhakov, 2 - lake Shira, 3 - Esino, 4 - Solenoozernoie
(after L.R.Kyzlasov); 5-6 - Altai (Karakol and Beshozek, after V.D.Kubarev).

ASPELIN'S STELA FROM SHIRA IN KHAKASSIA (history of research, cultural and chronological attributions, interpretation)

Esin Yu.N., Leontev N.V.

History of research. The history of Minusinsk Basin stone stelas research already totals about 300 years. For the first time they became known to the European science at the beginning of XVIII century and since that time have attracted to themselves constant attention. The important contribution to studies of these monuments was made by the Finnish researchers I.R.Aspelin and H.Appelgren-Kivalo who worked in Minusinsk Basin in 1887 - 1889. The results of their research are highly estimated. The importance of these results, first of all, is caused by two reasons: 1) high accuracy of stelas drawing's copies; 2) loss of many stelas during economic development of Minusinsk Basin (that is why the materials of the Finnish researchers have become a unique source of the information about them).

Among the monuments, known only by the drawing of this expedition was a very interesting stela with the image of the top part of human body with 16 beams, spreading from the head and a horizontal line between eyes and a mouth (fig. 1, 1). It was found by I.R.Aspelin in 1887 near ulus Verhne-Dolgy mayak in a burial ground tagar archeologic culture (Scythian epoch) as an angular stone in a barrow fence (Appelgren-Kivalo, 1931: 9, abb. 11). After H.Appelgren-Kivalo's publication this figure was referred to in a lot of papers (Gryaznov, 1950: fig. 14, 1; Lipsky, 1970: fig. 1, d; Vadetskaya, 1980: tab. XXXII, 3; Kyzlasov L., 1986: fig. 145, 2.). As a small ulus Verhne-Dolgy mayak was not fixed on maps of XIX century, to define a site of stela has become difficult. In the catalogue of okunev art monuments, made by E.B.Vadetskaja, a place of its presence was marked in the valley of the river Erba (1980: 86). The photo made in 1970s in settlement Shira was accidentally found by N.V. Leontev helped to find this stela. The drawing based on this photo has been recently published (Leont'ev, Kapel'ko, 2002: № 3). In 2005 the stela has been found and copied by authors of these papers (fig. 1, 3). It permanently stands in valley of river Son, on its western bank, to the North-East from a small hill, on the suburb of modern settlement Shira, on a deserted manor near the house № 15 in Gornaya street. A burial ground of tagar culture, where the stela stands, in the middle of

XX century got in a zone of the settlement's construction. The earth covering a barrow is ploughed up, stone designs were covered by a layer of the ground, and on the surface there is only upper part of stela.

Stelas description. Stela is made of light grey coarse-grained sandstone. Width of the stone is 0,95 m, thickness - 0,24 m, height of the copied part - 1,35 m, probable general height is about 2 m. The face part of the stela is looks to the south. The stela has been twice damaged. For the first time it was done by founders of a barrow, who, probably, took it nearby from a sanctuary of an epoch of early bronze and used it as building material. They cut off the top part of the stela, that led to the loss of some beams ends, spreading from a face, especially located on the right (from the point of view of the image) side of the image. It has been made to form a stone, traditional for angular stones of tagar barrows. Change of the form of stela and damage of figure during creation of a funeral design is one of the arguments testifying against of I.R.Aspelin's opinion that stela was created for burials of Scythian time, on which they were found (Appelgren-Kivalo, 1931: 13–15). Originally stela's top part, like other okunev monuments, had right angles or the semicircular form.

The next damage took place after the barrow got in a zone of building of Shira, because the Finnish expedition and the photo of 1970th have not fixed it. That time a part of a face sheet of stela was picked off, that had led to losing of several beams and a fragment of an outline of a face from its left side. However, due to the copy made by of I.R.Aspelin's expedition, the lost details of the image can be reconstructed. At contact copying, which was carried out by polishing black dry dye on a thin white paper, the image of stela became possible to specify (fig. 1, 3). For example, silhouette semiovals above eyes have been revealed, inclined from an outline of a face. It also became possible to reveal, that a triangle which was directed to top downwards was picked of under a face. During the creation of the image, the sizes of the triangle were lengthened, what is proved by the inclined line inside it. At the end of the triangle there is an arch. Two arches join the bottom part of a face at a level of a mouth. Presence of some details (holes of nostrils, circles on each side a face), shown on a copy, made on the basis of a photo of 1970s (fig. 1, 2), has not been proved. In several places on a face sheet of stela the remains of raddle are found, however, in grooves, where the paint could be kept in the best way it is not found. It allows to assume, that during an epoch of early bronze the face sheet of stela were painted in red color, but marked grooves of the image were left white.

Structure of the image. At the comparative analysis of the image on stela with other okunev drawings it breaks into a number of simple elements (signs), being units of relations of okunev graphic language. There are eight elements: 1) an oval, forming an outline of face; 2) the horizontal line dividing an oval into two circles; 3) the circle used as eyes of face; 4) silhouette semioval, depicted above each circle; 5) the horizontal extended oval, presented in the bottom circle of face; 6) the direct lines presented above the face; 7) a triangle or a corner, located below the face; 8) an arch, used at the top of the triangle and on each side of a face.

Dating. The structure of the image (a cross-section line between eyes and a mouth, beams departing from a head, semiovals above eyes, triangle under face) connects stela from Shira with okunev culture of Minusinsk Basin of the end III - the beginnings of II thousand BC. Earlier N.V. Leontev, on the basis of the typological analysis of okunev anthropomorphous images in development of okunev art distinguished 3 chronological layers (1978: 89–91). According to this chronological scheme the image on stela from Shira should be attributed to early okunev group. Nowadays, N.V. Leontev's chronological scheme is been proved by new materials. Thus, burials with the images of early okunev group (Tas-Khazaa, Uybat-5, etc.) differ by its design, stock and other features from burials with images of classical group (Chernovay-8, Verkhniy Askiz-1, etc.). Available cases of stratigraphic ratio of the specified types of the burials testify to younger age of the last ones [Lazaretov, 1997: 36–37]. Besides, early okunev age of faces with the same stylistic attributes, as on stela from Shira, is confirmed by a number of cases, when stone slabs with such figures are reused for creation of images of classical group [Esin, 2000: 18-20; Lazaretov, 1997: 35]. Similar images are known in Altai (karakol culture) (fig. 2, 5-7). Probably, occurrence of okunev art and culture in Minusinsk Basin is connected with migration of people from Altai.

Some questions of interpretation. Interpretation of images on stela will be based on the use of method of revelation and the analysis of graphic metaphors, supposing division of denotative and contextual meaning of graphic elements. Recognition and comparison of these levels allows to understand, how the represented object or action within the cultural tradition was interpreted, to investigate mythological logic of concrete associative identifications (Esin, 2005: 116–117).

First of all, it does not cause doubts, that rules, followed by graphic elements on stela from Shira, belong to language of the human's description (anthropomorphous code). In a context of the anthropomorphous code the oval is identified with the human face, circles - with eyes, semiovals - with the eyebrows, extended horizontal oval - with a mouth, a horizontal line – with colouring or a tattoo on the face, direct lines - with long hair, arches on each side of a face - with shoulders, a triangle - with the form of collar of unbuttoned clothes .

However, the meaning in a context of anthropomorphous code is not unique for these elements. In this paper we shall analyze only some of them. For example, egg form of an oval does not quite conform to the real form of a head. In this connection it is necessary to note, that in okunev art there are images of an oval without details of human face. There are also images of faces on egg forms stones. Besides this there are the facts of artificial deformation of a skull with the purpose of giving to it egg forms. The analysis of images of egg forms on stelas of classical group of okunev arts, possessing more complex graphic structure, has allowed to make a valid conclusion about connection of this form with an image of World egg, the upper part of which became a sky, and the lower part turned to the ground (Leontev, 1997: 223; Esin, 1999: 145). Typologically similar notions about the World egg are fixed in Indo-European, Finno-Ugric, Chinese mythology (Toporov, 1967; RV, X, 121; Rak, 1998: 16; Kalevala, I; Bodde, 1977: 379-381).

The possibility of comparison of a horizontal line between eyes and a mouth with colouring of face is confirmed by the traces from strips of a paint on skulls from okunev burials. However, this fact does not explain the meaning of the given graphic element. Its interpretation is possible in a context of a metaphorical identification of a head with the World egg and elements of a universe. In this case the horizontal line divides two halves of egg or two parts of world. A symbol of the Lower world is the mouth since its functions (the absorption of various objects, giving to the subject vital forces, and also an opportunity to belch), connecting life and death, are similar to functions of the ground (absorption and generation of various objects). Examples of similar comprehension of the mouth identified with an entrance to another, underground world, and used as a symbol of this part of a universe, can be found in texts in a natural language in some mythological traditions (Ramayana, VI, 60 and 67; Isaya, 5, 14; Antonova, 1990: 102; Kyzlasov I.,

1987: 129, 130). Symbol of the Upper world are eyes because function of this sense organ is inseparably related with light, the major attribute of the sky. There are quite a number of examples of an identification of sight with heavenly light. For example, in the ancient Greek literature there are the set expressions with the identification of a sight and light: «a light sight», «light eyes» (Freydenberg, 1978: 233). Eyes of Shiva are described as a light source - if they are closed, the universe is plunged in a darkness (Neveleva, 1975: 47). Eyes of gods in myths of peoples belonging to different language families are identified with stars (Purusha, Varuna, Zevs, Pan-Gu, Ra, etc.).

Presence of metaphorical meaning of direct lines above a head can be explained if we consider a number of other variants of the image of this type. Thus other images of this deity have the points near the ends of lines. Often the same lines spread from a trunk of a deity (fig. 2, 1-3). The given facts do not find an explanation from the human code point of view. Therefore, the meaning of «long hair» is connected only to one concrete context of a direct line and reflects only one level of meaning of the given element. It has already been offered to interpret lines above a head as solar beams, and to identify a circle face with a solar disk (Lipsky, 1970: 163; Kyzlasov L., 1986: 218). The given interpretation of lines is quite probable, since comparison of solar beams with hair is reflected in folklore (Formozov, 1969: 210; Mahabharata, 1974: 108, 109). In this case the lines spreading from a deity symbolize the light. Beams on stela from Shira are located only on the upper part of a face, which is connected to the Upper world and light in cosmological context. It is beams, that are a characteristic attribute of the deity of the sun in old Indian mythological tradition. Such epithets as «Lord of beams», «Lord of hot beams», «Lord of thousand beams» etc. are typical for him (Neveleva, 1975: 89). The identification of a head with the sun is also met in the old Indian epos (Mahabharata, 1974: 233, 235). Some okunev figures instead of direct lines-hair have the signs, which modeling stone head of spears and arrows (fig. 2, 2, 3). In other, later figures, in this place there are the signs modeling already bronze head of spears (fig. 2, 4). The identification of a ray of light with pointed throwing weapon has parallels in a lot of cultures too. For example, in the Iranian languages the same word designates both an arrow and a solar beam, in Selkup folklore the lightning acts as fiery arrow, while Buryat representation of a lightning is connected to a head of a spear or arrow, numerous identifications of a spear, a dart and an arrow with a ray of light and a lightning are presented in the old Indian epos, they also can be found in

Rigveda, etc. (Ozheredov, 1999: 87-89; RV, I, 168, 5; Mahabharata, 1974: 194, 221, 223, 232; Ramayana, VI, 102, etc.). The signs modeling a stone head of a spear or arrow of the exaggerated sizes, on early okunev type images from territory of Mountain Altai were located not only on a head, but also instead of hands (fig. 2, 5, 6). Their forms are completely identical to signs on a head. On one of the images such spears-hands grow directly from a head (fig. 2, 7). It reflects beliefs, that hands of the sun are its beams.

Thus, the image on stela from Shira opened in 1887 by I.R.Aspelin and H.Appelgren-Kivalo shows a combination of elements, which denotative meaning corresponds with different objects. It activates the maximal number of associative connections (first of all, of cosmological character) and makes the plan of the contents of the image multilevel. The given principle of the graphic text construction shows similarity to principles of prehistoric art texts in a natural language construction - first of all, close in epoch Vedas hymns, and the developed old Indian epos (Elizarenkova, 1999: 5-7). Such combination was, undoubtedly, deliberate and characterizes a creative method of founders of okunev arts. This creative method, as well as of Vedas Aryans, probably, is caused by pragmatism of graphic activity. It is focused on praising of a represented deity by transfer of his traditional attributes and their metaphorical identifications, comparisons. The purpose of this praise is to attract attention of a deity, to strengthen his force and, in an exchange, to achieve his favor and execution necessary for community. In this context the images on okunev stelas should be estimated as visual hymns. Undoubtedly, they existed in parallel with hymns in a natural language, and the shown attributes and graphic metaphors correspond to steady mythopoetical formulas.

References

1. Antonova E.V. 1990. Obryady i verovaniya pervobytnyh zemledeltsev Vostoka. Moscow: Nauka.
2. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmaler. Helsingfors, 1931.
3. Bodde D. 1977. Mify drevnego Kitaya. In *Mifologii drevnego mira*. Moscow: Nauka, pp. 366–404.
4. Vadetskaya E.B. 1980. Izvayaniya okunevskoi kultury. In *Vadetskaya E.B., Leontev N.V., Maksimenkov G.A. Pamyatniki okunevskoy kultury*. Leningrad: Nauka, pp. 37–87.
5. Gryaznov M.P. 1950. Minusinskie kamennye baby v svyazy s nekotorymy novymy materyalami. *Sovetskaya arheologiya*, XII: 128–156.
6. Elizarenkova T.Ya. 1999. Slova i veshchi v Rigvede. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Esin Yu.N. 1999. O semantike okunevskih izvayaniy. In *Martyanovskie kraevedcheskie chteniya (1989 - 1999)*. Minusinsk: Mart, pp. 144–148.
8. Esin Yu.N. 2000. The stone statue from the village of Verchny Askiz, and the problem of the chronology of the Okunevo culture's imagery. *Siberian Association of Prehistoric Art Researchers Bulletin*, 3: 18–21.
9. Esin Yu.N. 2005. Issues in the semantics of bronze age representations in Central and North Asia. *Archaeology, Ethnology, & Anthropology of Eurasia*, 2 (22): 114–128.
10. Kubarev V.D. 1988. Drevnie rospisi Karakola. Novosibirsk: Nauka.
11. Kubarev V.D. 1998. Drevnie rospisi Beshozeka. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 3: 51–56.
12. Kyzlasov I.L. 1987. Lik Vselennoy (k semantike drevneyshih izvayaniy Yeniseya). In *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve*. Moscow, pp. 127–130.
13. Kyzlasov L.R. 1986. Drevneyshaya Khakasia. – Moscow: Izd. Mosc. Univ.
14. Lazarev I.P. 1997. Okunevskie mogilniki v doline reki Uybat. In *Okunevsky sbornik*. – St. Peterburg: Petro-RIF, pp. 19–64.
15. Leontev N.V. 1978. Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoi kultury (problemy hronologii i semantiki). In *Sibir, Tsentralnaya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i epoha metalla*. Novosibirsk: Nauka, pp. 88–118.
16. Leontev N.V. 1997. Stela s reki Askiz (obraz muzhskogo bozhestva v okunevskom izobrazitelnom iskusstve). In *Okunevsky sbornik*. – St. Peterburg: Petro-RIF, pp. 222–236.
17. Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. 2002. Steinstelen der Okunev-Kultur. Mainz: von Zabern. (Archäologie in Eurasien; Bd. 13).

18. Lipsky A.N. 1970. K voprosu o semantike solntseobraznyh lichin Yeniseya. In *Sibir i eyoh sosed'i v drevnosti*. Novosibirsk: Nauka, pp. 163–173.
19. Mahabharata. 1974. In *Mahabharata. Ramayana*. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, pp. 25–382.
20. Neveleva S.L. 1975. Mifologiya drevneindiyskogo eposa (panteon). Moscow: Nauka.
21. Ozheredov Yu.I. 1999. Sakralnye strely yuzhnyh selkupov. – Priobyte glazami arheologov i etnografov. Tomsk: Izd. Tom. Univ., s. 77–119.
22. Rak I.V. 1998. Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm). St. Peterburg-Moscow: «Journal «Neva» - «Letny sad».
23. Toporov V.N. 1967. K rekonstruktsii mifa o Mirovom yaitse (na materiale russkikh skazok). *Uchenye zapiski Tartusskogo Gos. Univ.*, 198: 82–98.
24. Formozov A.A. 1969. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Moscow: Nauka.
25. Freydenberg O.M. 1978. Mif i literatura drevnosti. Moscow: Nauka.

СТЕЛА АСПЕЛИНА ИЗ ПОСЕЛКА ШИРА В ХАКАСИИ

(история изучения, культурная и хронологическая атрибуция, интерпретация)

Ю.Н. Есин, Н.В. Леонтьев

История изучения. История изучения каменных стел Минусинской котловины насчитывает уже почти 300 лет. Впервые они стали известны европейской науке в начале XVIII века и с тех пор привлекают к себе неизменное внимание. Важный вклад в изучение этих памятников внесли финские исследователи И.Р. Аспелин и Я. Аппельгрэн-Кивало, работавшие в Минусинской котловине в 1887 – 1889 годах. Результаты их исследований сохраняют свое значение и в настоящее время. Современное значение этих результатов, прежде всего, обусловлено двумя обстоятельствами: достаточно высокой точностью сделанных рисунков стел, которая превосходит не только качество рисунков их предшественников и современников, но и исследователей начала XX в.; утратой многих стел в процессе хозяйственного освоения Минусинской котловины, в результате чего материалы финских исследователей стали единственным источником информации о них.

К числу памятников, известных только по рисункам этой экспедиции, до недавнего времени относилась очень интересная стела с изображением верхней части антропоморфной фигуры с 16 отходящими от головы лучами и горизонтальной линией между глазами и ртом (рис. 1, 1). Она была обнаружена

И.Р. Аспелиным в 1887 г. возле улуса Верхне-Долгий маяк в могильнике тагарской археологической культуры (скифская эпоха), где служила угловым камнем в ограде кургана (Appelgren-Kivalo, 1931, s. 9, abb. 11). После публикации Я. Аппельгрена-Кивало она становилась объектом внимания в целом ряде работ (Грязнов, 1950, рис. 14, 1; Липский, 1970, рис. 1, d; Вадецкая, 1980, табл. XXXII, 3; Кызласов Л., 1986, рис. 145, 2). Поскольку небольшой улус Верхне-Долгий маяк не был зафиксирован на картах XIX в., то определить местонахождение стелы стало сложно. В своде памятников окуневского искусства, составленного Э.Б. Вадецкой, местом ее нахождения названа долина р. Ерба (1980, с. 86). Найти эту стелу помогла попавшая к Н.В. Леонтьеву фотография, сделанная в 1970-е годы в поселке Шира. Выполненная по этой фотографии прорисовка недавно была опубликована (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 3). В 2005 г. авторами данной статьи стела была обнаружена и скопирована (рис. 1, 3). Она находится в долине р. Сон, на западном ее берегу, к северо-востоку от небольшой возвышенности, на окраине современного поселка Шира, на заброшенной усадьбе рядом с домом № 15 по ул. Горная. Могильник тагарской культуры, в одном из курганов которого установлена стела, в середине XX в. попал в зону застройки поселка. Насыпь кургана распахана, каменные конструкции засыпаны слоем земли, на поверхности находится лишь верхняя часть чудом сохранившейся стелы.

Описание стелы. Стела изготовлена из светло-серого крупнозернистого песчаника. Ширина камня – 0,95 м, толщина – 0,24 м, высота скопированной части – 1,35 м, вероятная общая высота – около 2 м. Лицевая сторона стелы обращена на юг. Стела была дважды повреждена. Первый раз – создателями кургана, вероятно, забравшими камень с находившегося где-то поблизости святилища эпохи ранней бронзы и использовавшими его в качестве строительного материала. Они стесали наклонно верхнюю часть стелы, что привело к утрате концов ряда отходящих от лика лучей, особенно расположенных с правой (с точки зрения самого изображения) стороны лика. Это было сделано, чтобы придать камню форму, традиционную для угловых камней тагарских курганов. Данное повреждение фиксирует и рисунок экспедиции И.Р. Аспелина. Изменение формы стелы и повреждение рисунка в процессе создания погребальной конструкции является одним из аргументов, свидетельствующих против мнения И.Р. Аспелина о том, что стелы создавались для погребений скифского времени, на которых они обнаружены [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 13–15]. Первоначально верхняя часть стелы, подобно другим окуневским памятникам, имела прямые углы либо полукруглую форму.

Последующее повреждение произошло уже после того, как курган попал в зону застройки поселка Шира, т.к. рисунком финской экспедиции и фотографией

1970-х гг. оно не зафиксировано. В это время была сколота часть лицевой стороны стелы, что привело к утрате нескольких лучей и фрагмента контура лица с левой его стороны. Однако благодаря рисунку экспедиции И.Р. Аспелина, утраченные детали изображения и общее количество лучей можно реконструировать. При контактном копировании, которое проводилось путем натирки черным сухим красителем на тонкую белую бумагу, изображение стелы удалось уточнить (рис. 1, 3). В частности, были выявлены силуэтные полуovalы над глазами, опущенные от контура лица вниз. Также удалось установить, что под ликом выбит треугольник, направленный вершиной вниз. В процессе создания изображения, размеры треугольника были скорректированы в сторону увеличения длины, о чем свидетельствует сохранившаяся наклонная линия внутри него, раскрывающая первоначальный замысел. На вершине треугольника расположена дуга, вогнутая сторона которой направлена вниз. Две дуги, вогнутые в ту же сторону, примыкают к нижней части лица на уровне рта. Наличие некоторых деталей (ямки ноздрей, кружков по бокам лица), показанных на прорисовке, сделанной на основе фотографии 1970-х гг. (рис. 1, 2), не подтвердилось. В нескольких местах на лицевой стороне стелы обнаружены остатки красной охры, однако в желобках, где краска могла бы сохраниться лучше всего, ее нет. Это позволяет предположить, что в эпоху ранней бронзы лицевая сторона стелы была окрашена в красный цвет, а выбитые желобки самого изображения оставлены белыми.

Структура изображения. При сравнительном анализе изображения на стеле с другими окуневскими рисунками оно распадается на ряд простых элементов (знаков), являющихся единицами отношений окуневского изобразительного языка. Таких элементов восемь: 1) овал, образующий контур лица; 2) горизонтальная линия, разделяющая овал на два яруса; 3) круг, используемый в качестве глаз лица; 4) силуэтный полуoval, изображаемый над каждым кругом; 5) горизонтальный вытянутый овал, изображенный в нижнем ярусе лица; 6) прямые линии, изображенные сверху лица; 7) треугольник или угол, расположенный ниже лица; 8) дуга, используемая на вершине треугольника и по бокам лица.

Датировка. Структура изображения (поперечная линия между глазами и ртом, отходящие от головы лучи, полуovalы над глазами, треугольник под ликом) связывает стелу из Ширы с окуневской культурой Минусинской котловины конца III – начала II тыс. до н.э. Ранее Н.В. Леонтьевым на основании типологического анализа окуневских антропоморфных изображений в развитии окуневского искусства было выделено 3 хронологических пласта (1978, с. 89–91). В рамках этой хронологической схемы изображение на стеле из Ширы должно быть отнесено к раннеокуневской группе. На сегодня

хронологическая схема Н.В. Леонтьева получает все большее обоснование. Так, погребения, в которых встречаются плиты с рисунками раннеокуневского облика (Тас-Хазаа, Уйбат-5 и др.), по своей конструкции, инвентарю и другим чертам отличаются от погребальных памятников с изображениями классической группы (Черновая-8, Верхний Аскиз-1 и др.). Имеющиеся случаи стратиграфического соотношения указанных типов памятников свидетельствуют о более молодом возрасте последних [Лазаретов, 1997, с. 36 – 37]. Помимо этого раннеокуневский возраст ликов с теми же стилистическими признаками, что и на стеле из Шира, подтверждается рядом случаев, когда плиты с такими рисунками переиспользованы для создания изображений классической группы [Esin, 2000, р. 18–20; Лазаретов, 1997, с. 35]. Схожие с раннеокуневскими изображения известны на Алтае (каракольская культура) (рис. 2, 5–7). Вероятно, именно с миграцией населения с Алтая связано появление окуневского искусства и культуры в Минусинской котловине.

Некоторые вопросы интерпретации. Интерпретация изображений на стеле будет основана на использовании метода выявления и анализа изобразительных метафор, предполагающего разделение собственного и контекстного значения изобразительных элементов. Выявление и сопоставление этих уровней позволяет понять, как осмысливался изображенный объект или действие создавшей его культурной средой, изучать мифологическую логику конкретных ассоциативных отождествлений (Esin, 2005, р. 116–117).

Прежде всего, не вызывает сомнений, что правила, по которым сочетаются изобразительные элементы на стеле из Шира, принадлежат к языку описания человека (антропоморфному коду). В контексте антропоморфного кода овал отождествляется с лицом человека, круги – с глазами, полуовалы – с бровями, вытянутый горизонтально овал – со ртом, горизонтальная линия – с раскраской или татуировкой на лице, прямые линии – с длинными волосами, дуги по бокам лица – с плечами, треугольник – с формой ворота у одежды с запахом.

Однако для этих элементов значение в контексте антропоморфного кода не является единственным. В этой статье мы ограничимся анализом только некоторых из них. Например, правильная яйцевидная форма овала не вполне согласуется с реальной формой головы. В связи с этим отметим, что в окуневском искусстве имеются изображения овала без деталей антропоморфного лица, существуют изображения ликов на камнях яйцевидной формы, кроме того, у окуневцев зафиксирована практика искусственной деформации черепа с целью придания ему сопоставимой яйцевидной формы. Анализ изображений яйцевидной формы на стелах классической группы окуневского искусства, обладающих более сложной изобразительной

структурой, позволил сделать обоснованный вывод о связи этой формы с образом Мирового яйца, из верхней части которого возникло небо, а из нижней – земля (Леонтьев Н.В., 1997, с. 223; Есин, 1999, с. 145). Типологически схожие представления о Мировом яйце зафиксированы в индоевропейской, финно-угорской, китайской мифологии (Топоров, 1967; РВ, X, 121; Рак, 1998, с. 16; Калевала, I; Бодде, 1977, с. 379 – 381).

Возможность сопоставления горизонтальной линии между глазами и ртом с раскраской лица подтверждается фактами обнаружения следов от полос краски на черепах из окуневских погребений. Однако сам этот факт не объясняет смысла данного изобразительного элемента. Его интерпретация возможна в контексте метафорического отождествления головы с Мировым яйцом и элементами мироздания. В этом случае горизонтальная линия разделяет две половины яйца и две противопоставленные половины мира. Символом Нижнего мира предстает рот, т.к. его функция (поглощение различных объектов, дающее субъекту жизненные силы, а также возможность отрывания), неразрывно связывающие жизнь и смерть, подобны функциям земли (поглощение и порождение различных объектов). Примеры подобного осмысления рта, отождествляемого со входом в иной, подземный мир, и используемого как символ этой части мироздания, сохранились в текстах на естественном языке в некоторых мифопоэтических традициях (Рам, VI, 60 и 67; Исая, 5, 14; Антонова, 1990, с. 102; Кызласов И., 1987, с. 129, 130). Символом Верхнего мира являются глаза, т.к. функция этого органа чувств неразрывно связана со светом, важнейшим признаком неба. Можно привести ряд примеров отождествления зрения с небесным светом. Например, в древнегреческой литературе отождествление взгляда и света демонстрируют выражения «светлый взгляд», «светлые очи» (Фрейденберг, 1978, с. 233); как источник света описываются глаза Шивы – если они закрыты, Вселенная погружается во мрак (Невелева, 1975, с. 47); глаза богов в мифах народов разных языковых семей отождествляются со светилами (Пуруша, Варуна, Зевс, Пань-Гу, Ра и т.д.); и др.

Наличие метафорического значения у прямых линий над головой раскрывается при рассмотрении их в ряду других вариантов изображения этого персонажа. В частности, у других изображений этого божества возле концов линий изображены точки, такие же линии порой отходят и от туловища божества (рис. 2, 1–3). Данные факты не находят объяснения с точки зрения антропоморфного кода. Поэтому значение «длинный волос» связано лишь с одним конкретным контекстом прямой линии и отражает лишь один уровень значения данного элемента. Ранее уже предлагалось линии над головой интерпретировать как солнечные лучи, а округлый лик отождествлять с солнечным диском (Липский, 1970, с. 163; Кызласов Л., 1986, с. 218). Данная интерпретация линий вполне

вероятна, т.к. сравнение солнечных лучей с волосами отражено в фольклоре (Формозов, 1969, с. 210; Мбх, 1974, с. 108, 109). В этом случае линии, отходящие от божества, передают исходящее от него сияние. Характерно, что на стеле из Шира лучи расположены только в верхней части лика, которая в космологическом контексте связана с Верхним миром и светом. Именно лучи являются характерным признаком бога солнца в древнеиндийской мифопоэтической традиции. Для него типичны такие эпитеты как «Владыка лучей», «Владыка жарких лучей», «Владыка тысячи лучей», «Лучащийся блеском» и др. (Невелева, 1975, с. 89). Отождествление головы с солнцем тоже встречается в древнеиндийском эпосе (Мбх, 1974, с. 233, 235). У некоторых окуневских рисунков вместо прямых линий-волос изображены знаки в виде лаврового листа, форма которых моделирует каменные наконечники копий и стрел (рис. 2, 2, 3). У других, более поздних рисунков, на этом месте расположены знаки, моделирующие уже бронзовые наконечники копий (рис. 2, 4). Отождествление луча света с колющим метательным оружием тоже имеет параллели в целом ряде культур. Например, в иранских языках одно и то же слово обозначает стрелу и солнечный луч, в фольклоре селькупов как огненная стрела выступает молния, у бурят представление о молнии связано с наконечником копья или стрелы, многочисленные отождествления копья, дротика и стрелы с лучом света и молнией представлены в древнеиндийском эпосе, встречаются в Ригведе и т.д. [Ожередов, 1999, с. 87–89; РВ, I, 168, 5; Мбх, 1974, с. 194, 221, 223, 232; Рам, VI, 102 и др.]. Знаки, моделирующие каменный наконечник копья или стрелы преувеличенных размеров, у изображений раннеокуневского облика с территории Горного Алтая помещались не только на голове, но и вместо рук (рис. 2, 5, 6). По форме они полностью идентичны знакам на голове. У одного из изображений такие копьеруки растут прямо из головы (рис. 2, 7). Это раскрывает представление о том, что руками солнца являются его лучи.

Таким образом, изображение на открытой в 1887 г. И. Р. Аспелиным и Я. Аппельгреном-Кивало стеле из Шира демонстрирует сочетание элементов, собственное значение которых соотносится с разными объектами. Оно актуализирует максимальное число ассоциативных связей (в первую очередь, космологического характера) и делает план содержания изображения многоуровневым. Данный принцип построения изобразительного текста обнаруживает сходство с принципами построения древних художественных текстов на естественном языке – прежде всего, эпохально близких ведийских гимнов, а также немного позднее сложившегося древнеиндийского эпоса [Елизаренкова, 1999, с. 5–7]. Такое сочетание, несомненно, было намеренным и характеризует творческий метод создателей произведений окуневского искусства. Сам этот творческий метод, как и у ведийских ариев, видимо,

обусловлен прагматикой изобразительной деятельности. Он ориентирован на восхваление и прославление изображаемого божества путем перечисления его традиционных атрибутов и их метафорических отождествлений, сравнений. Цель этого восхваления – привлечь внимание божества, укрепить его силу и, в обмен, добиться его благосклонности и исполнения необходимого коллективу. В этом контексте изображения на окуневских стелах должны оцениваться как визуальные гимны. Несомненно, они существовали параллельно с гимнами на естественном языке, а показанные атрибуты и изобразительные метафоры соотносились с устойчивыми мифопоэтическими формулами.

Литература

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука, 1990. – 285 с.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmaler. – Helsingfors, 1931.

Бодде Д. Мифы древнего Китая // Мифологии древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 366–404.

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. С. 37–87.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. – 1950. – Т. XII. – С. 128–156.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 240 с.

Есин Ю.Н. О семантике окуневских изваяний // Мартыановские краеведческие чтения (1989 - 1999). – Минусинск: «Март», 1999. С. 144–148.

Esin Yu.N. The stone statue from the village of Verchny Askyz, and the problem of the chronology of the Okunevo culture's imagery // Siberian Association of Prehistoric Art Researchers Bulletin. – 2000. – Vol.3. – P. 18–21.

Есин Ю.Н. Проблемы семантики антропоморфных ликов окуневского искусства // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. 1. – С. 138–140.

Esin Yu.N. Issues in the semantics of bronze age representations in Central and North Asia// Archaeology, Ethnology, & Anthropology of Eurasia. 2005. № 2 (22). P. 114–128.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

- Кубарев В.Д. Древние росписи Бешозека // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 51–56.
- Кызласов И.Л. Лик Вселенной (к семантике древнейших изваяний Енисея) // Религиозные представления в первобытном обществе. – М., 1987. – С. 127–130.
- Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. – 296 с.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19–64.
- Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88–118.
- Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222–236.
- Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinstelen der Okunev-Kultur. – Mainz: von Zabern, 2002. – 238 p. – (Archäologie in Eurasien. – Bd. 13).
- Липский А.Н. К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 163–173.
- Махабхарата // Махабхарата. Рамаяна. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 25–382.
- Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). – М.: Наука, 1975. – 118 с.
- Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 77–119.
- Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.-М.: «Журнал «Нева» - «Летний сад», 1998. – 560 с.
- Топоров В.Н. К реконструкции мифа о Мировом яйце (на материале русских сказок) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Вып. 198. – Тарту: ТГУ, 1967. – С. 82–98. – (Труды по знаковым системам. – Вып. 3).
- Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 255 с.
- Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – 605 с.